

Жизнь как море — как с гуся вода,
Что тут скажешь? Хорош гусь!..
Все что было — беда-лебедя —
Отожгло, отхлестало — ожгусь

Хоть еще раз? О что там — о страсть?
О любовь и надежду?
Взмыть бы чистенько да не упасть,
Ведь невежду

Не сыграть уже так хорошо,
Даже если по-новой родиться.
Этот сказочный поезд ушел,
Грех сердиться.

Я из тех, кому счастье прощается
И широкой рекою течет,
Жизнь хорошая не кончается,
Солнце светит и печка печет —

Пирожки да блинчики с приговорами,
Кашки-супчики с морем приправ,
Зелен луг, красен лес мухоморами,
Ясен пень, в небе сокол — я прав?

Или мне возражение последует?
Телевизор взорвется в ответ?
Поезд следует куда следует,
Белый свет, белый свет, белый свет...

Снег идет из фонаря
В середине января,
Я смотрю на белый снег,
Тоже белый человек,

Жизнь проживший не одну
И ко дну
Все не идущий никак,
Как моряк
И как варяг,
Как пилот и космонавт
И безумный психонавт.

Все лечу себе лечу,
Сам себе в пути свечу,
Свет, как снег, не сбросить с плеч,
Хоть растаять, хоть залечь,
Не стряхнуть ни с век, ни с крыл —
Видно сдуру перекрыл
Смерти чистый кислород —
Маюсь житием, урод.

Дожить бы до смерти — ведь не дожить
нельзя,
Немыслимо навек в живых остаться —
Подруги, жены, дети и друзья —
Как с ними-то не по-людски расстаться?

Но если сила жизни прет и прет,
Великая, о неостановимо!..
Пускай тогда попутка заберет,
Летящая скорее света мимо.

Знать места, ведать доли и горы,
По урочищам гадом скользить,
Собирать и сушить мухоморы,
Скорой помощью их отвозить

В иномирье до опыта жадных,
Но боящихся самолетать,
И не звать уже дев ненаглядных
В голом виде восторг испытать,

Видеть в небе парящую птицу —
Канюка, осоеда, орла —
Всех простить и со всеми проститься,
Довела, мать сыра, довела.

Канюк над озером, над темным, в первом
сале,
Весь берег в голубике и в снегу...
В каком Останкине, в каком Колонном зале
Я пережить подобное смогу?

Трава болотная и рогозы пустые,
С султанами из замши над травой...
Места глухие, тихие, простые,
Земля ближайшая, я твой.

Встретить смерть идеальное место —
Этот в тонкой пороше лужок,
Эти кочки травы, этот лес, что
И не лес, а над лесом смешок...

Да, смешок, а не смех — криворуки
Елки-палки, уродцы ольхи —
Через них получались уроки,
В их тени выросли стихи

И грибы — двести дротиков в душу,
Чтоб бесчувственный разум умолк,
Чтобы вышли на самую ружу
И Царевич, и сказочный Волк,

И Жар-птица с Еленой Прекрасной,
Нет, с Ириной, волшебной женой...
Вот стою, многоопытный, страстный,
Многоликий, ничем не больной.

Сколько можно! По сотому кругу
Я мотаю счастливейший срок.
Помоги мне, Создатель, как другу,
Пусть охотник нажмет на курок

По какой-нибудь глупой ошибке
И снесет мне картечью башку —
Не при Бородине, не при Шипке,
А вот так, на подходе к леску...

Чтоб совсем-то не освободиться
Прямо в этой жизни во плоти
Можно водки добела напиться
И похмелье с тряской обрести
Или взять да по уши влюбиться
И семью на годы завести —
Или хворь в своем нутре найти.

И бороться, изо всех бороться,
Преодолевать и побеждать,
Покорять, с упорством новгородца
Типа снятия осады ждать,

И мечтать, надеяться и верить,
Что придет однажды светлый день
Или даже во Христа поверить,
Навести евангель на плетень,

И с бесовским полчищем сразиться,
Террористов вылететь бомбить,
Мировой войною разразиться —
Чтобы время как-нибудь убить.

Так хорошо, что так не может быть,
Так хорошо на свете не бывает...
Так, может, время этот свет забыть
И полететь на тот, что призывает?

Да, полететь, конечно, полететь,
Чтоб полетать в пути над облаками

И над горами, сверху поглядеть
На Землю милую с голубыми реками,

На ту, которую любил и грел
Всем жаром сердца, всем безумством плоти,
И на которой от любви сгорел,
Как чертов бес на адовой работе.

Я был Антуан де Сент-Экзюпери,
Теперь-то мне стало понятно,
Откуда такая свобода внутри,
И солнце!.. Люблю твои пятна.

О где б ты ни села, леталка моя,
Любовь или просто причуда —
Я в небе на крыльях, такая семья,
Давно, на все время оттуда.

Стихи, пришедшие во время просмотра фильма «Вдаль уплывают облака» финского режиссера Аки Каурисмяки

Вдаль уплывают облака,
По-фински медленно и сонно,
Под ними вдаль течет река,
От них свинцово монотонна...

Как финном эту жизнь прожить,
На свет явившись в Гельсингфорсе —
Нет, хуже, в Хельсинки — служить
В компании, как клюква в морсе

С другими рядом, наравне,
Без шуток натурально киснуть,
И вдруг поняв, в каком говне
Полжизни прожил, — взять повиснуть

Под потолком, шагнув в петлю
С обрыва белой табуретки
На голой кухне, «Я люблю
Вас» так и не сказав соседке

С глазами, серыми как снег,
Что тает на асфальте в мае,
А в жопу пьяный человек,
Везом домой в пустом трамвае,

На этот снег глядит, глядит —
Мечтает, лох, о Барселоне,
А сам тихонечко пердит
От газов, скопленных в колоне

Кишечника — о вечный червь,
Все время требующий пищи
Из самого нутра! Поверь в
Другую жизнь, когда кладбище

За поворотом разлеглось
И ждет-пождет — не доставало
Родной земле — не треснет ось! —
Тебя, приятель... Калевала

Все врет, и ловкий швед ее
От скуки сочинил, сучара!
Как переключать бытие
И больше не начать сначала?

Жизнь удалась во всем объеме —
В таком объеме удалась,
Что ей на милость предалась
И смерть сама во всем объеме.

И как теперь мне жить и быть,
Бессмертным и обоесветным,
Все что ни попадя любить
Единым чувством безответным?